

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Евлогия,
архиепископа Сумского и Ахтырского

Тема номера: **ВЕРА ЦЕРКВИ**

Сила и немощь Церкви

После воскресения и вознесения Христа Его ученики, человек около ста двадцати, собрались в Иерусалиме, где все они единодушно пребывали в молитве. Однако это собрание ещё не представляло собой Церковь; то была просто кучка испуганных, сбитых с толку людей, объединённых лишь общими воспоминаниями и общими смутными ожиданиями. Несколькими днями ранее они спрашивали Учителя, не освободит ли Он во время сие народ Израильский от римского ига и не восстановит ли Царство Израилю. Даже после воскресения их ожидания, похоже, не шли далее вполне земных стремлений и притязаний.

Радикальное изменение состояния учеников произошло в день Пятидесятницы. Лука, приступая к описанию этого события, использует язык аналогий: *«При наступлении дня Пятидесятницы ученики вновь собрались на Вечерю в Иерусалиме, и все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились»* (Деян.2:1-2). Слуховые ощущения сопровождались зрительными образами: *«И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого...»* (Деян.2:3-4).

Если эти события и можно описать, то лишь языком аналогий: однако произведённое ими изменение в учениках Христовых, «исполнившихся Духа Святого», было вполне конкретно и очевидно для всех: *«И начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещавать»* (Деян.2:4). Внезапно ученики заговорили на языках всех племён и народов, со-

бравшихся в Иерусалим на празднование Пасхи. Каждый из присутствующих в толпе слышал из уст апостолов свою родную речь, и все изумлялись и дивились (Деян.2:7). Апостолы, люди простые и необразованные, по замечанию Луки, и вдобавок вплоть до последнего момента мучимые страхом, начали проповедовать толпе о великих делах Божиих с мастерством и мудрой проникновенностью опытных ораторов. Теперь они знали, в чём их призвание и в чём смысл завещанного им учения; им стало ясно значение как уже свершившихся событий, так и той жизненной перспективы, которую они раскрывали перед людьми своей проповедью. Апостолы призвали присутствующих к покаянию и крещению, дабы все они также получили «дар Святого Духа» и тем самым приобщились к Пятидесятнице - эта возможность с тех пор открыта для каждого из нас. *«Итак охотно принявшие слово... крестились, и присоединилось в тот день душ около трёх тысяч; и они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба»* (Деян.2:41-42). В то же время много чудес и знамений совершилось чрез Апостолов в Иерусалиме (Деян.2:43): исцеление больных и одержимых бесами, и даже воскрешение из мёртвых - например, воскрешение Тавифы в Иоппии.

* * *

Пятидесятница (сошествие Святого Духа) есть начало и основание Церкви - не основание очередного института, но начало «новой твари»: возможности вечной жизни, открытой Богом перед человеком. Вот почему Пятиде-

сятница, или сошествие Святого Духа, - не единичное событие, свершившееся раз и навсегда, но непрекращающееся событие, конституирующее Церковь.

Евхаристия есть трапеза, вкушение пищи и питья. Однако для того, чтобы акт приёма пищи стал средством приобщения к жизни, а не просто обеспечивал эфемерное выживание, необходимо действие Святого Духа, преобразование тленной пищи в пищу нетленную, в возможность вечной жизни, во «врачевство бессмертия». Во время каждого Евхаристического собрания Церковь, обращаясь к Богу Отцу, призывает Святого Духа для совершения этого экзистенциального изменения: «Ниспошли Духа Твоего Святого на нас и на эти предлежащие дары, и сотвори этот хлеб - пречистым Телом Христа Твоего, а вино в этой чаше - пречистой Кровью Христа Твоего, преобразив их Духом Твоим Святым». Община, собравшаяся вокруг святых даров, скрепляет этот призыв (по-гречески эпиклесис) утвердительным восклицанием: «Аминь!». Это короткое слово, которым человеческая свобода говорит «да» Божественной любви, выражает в литургии коллективное признание Нового Завета с Богом, всецелую ему приверженность и благословение, получаемое от Господа...

Мы призываем Святого Духа «на нас и на предлежащие здесь дары» именно для того, чтобы свершилось преобразование жизни, чтобы жизнь обрела нетленность, чтобы и сами дары, и всякий причастившийся им человек претворились в новую тварь, неподвластную смерти, - претворились в Тело Христово.

В первоначальной Церкви Святой Дух общался новокрещеным через апостолов: «Тогда возложили руки на них, и они приняли Духа Святого» (Деян.8:17). Эта непосредственная личная передача дара Святого Духа всем возрождённым к новой жизни через крещение ныне осуществляется в Церкви через Таинство миропомазания.

Через миропомазание новокрещённый член Церкви не только приобщается к жизни обновлённой твари в Теле Христовом, но и получает печать личного усыновления, печать личностной и неповторимой связи с Пресвятой Троицей - связи, осуществляющейся благодаря непосредственному присутствию Святого Духа в самой глубине его существа, в его ипостасной сердцевине.

Люди, судящие о христианстве по его мо-

ральной «отдаче» и исторической полезности, не знают ни того, что́ есть Церковь, ни её истины. Они рассматривают Церковь как «религию», как институт, призванный удовлетворять «метафизическим потребностям народа», и потому подходят к ней с меркой «улучшения» нравов и условий нашего смертного бытия. Они и не подозревают, что дело не в эфемерных «улучшениях» и неудачах, а в другом: в каждом Евхаристическом собрании смертная человеческая жизнь преобразуется в жизнь бессмертную и нетленную. И возможность этого преобразования не может быть упразднена ни недостойнством отдельных лиц, ни грехами мирян и клириков, ни интригами высоких церковных чинов: достаточно хотя бы малой закваски - членов Церкви, сознательно участвующих в Евхаристии.

Евангелие предупреждает, что Церковь - Царство Божие - подобна «неводу», захватывающему хорошее и худое (Мф.13:47-48); «полю», где растёт и пшеница, и плевелы (Мф.13:25). Святые и грешники в равной мере являются членами Церкви: праведные, непорочные, аскеты - и вместе с ними разбойники, блудницы и мытари. Все мы объединяемся в Церковь не потому, что хотим усовершенствовать наши «добродетели» или «исправить» наши характеры, но потому, что жаждем жизни, свободной от разрушения и смерти. Мы знаем, что как праведники, так и грешники равно смертны: наш общий грех есть смерть - событие, в котором наша физическая индивидуальность, физическая ипостась однажды исчезает в земле (ведь «грех» означает не нарушение законов или предписаний, но глобальную неудачу, провал в осуществлении цели, или предназначения, нашего бытия). Мы приходим в Церковь потому, что жаждем жизни как полноты любви. Нас интересует не добродетель смертного человека, но вечность человека раскаявшегося.

В Церкви сила наша совершается в немощи (2Кор.12:9). Великая сила Церкви - это наши исторические беды и наши грехи. Почему грехи мы называем силой? Прежде всего потому, что познание наших собственных неудач и немощей, как и уважение к неудачам и слабостям ближнего, есть основная предпосылка свободы, есть отрицание тоталитарного права требовать «совершенства». Если кто-либо осмелится «согрешить» в политической партии, институтированной идеологической

системе или в бизнесе, ему неизбежно придётся искупать (*порой кровью*) нарушение «предписаний» или «распоряжений центра» или же причинённый интересам деловых партнёров ущерб. Сегодня, в этом мире, в этой цивилизации, где все охотятся за удачей, точностью и «совершенством», только в Церкви существует последняя возможность человеческой свободы - «право» на неудачу и бессилие.

Но сила Церкви совершается в немощи главным образом потому, что только признавая человеческую немощь, мы можем претворить жизненную возможность в любовь Бога, «воскрешающего мёртвых». Замкнутость в самодостаточности, удовлетворённость своей добродетелью, своими достижениями и здравомыслием не оставляют нам возможности для самоотречения и самопреодоления, высвобождающего животворящую силу любви. Поскольку мы ожидаем осуществления жизненных целей (*достижения спасения, праведности, бессмертия*) от религиозности, морали, эффективности наших законов, постольку мы отдаляемся от возможности «истинной жиз-

ни». Напротив, индивидуальные грехи любого из нас в совокупности с каждым проявлением человеческой несостоятельности в Церкви - в порочных епископах, «разбойничьих» соборах, политических спекуляциях церковной истиной - приводят нас в отчаяние, которое оказывается в высшей степени плодотворным, так как эти явления подтверждают утопичность моралистических мечтаний и религиозных притязаний на «обновление» человека...

Таково свидетельство Церкви, нашедшее своё историческое воплощение по преимуществу в мучениках и аскетах. Конкретное свидетельство мучеников и их исторических последователей - аскетов окончательно запечатлевает образ церковной жизни, предохраняя истину Церкви от искажений. Жизнь - не индивидуальное выживание, но самоотдача в её высочайшем проявлении, вплоть до смерти - самоотдача в «безумной любви» к Божественной Личности, явленной в Иисусе Христе.

Христос Яннарас

Зачем Бог сотворил мир?

Начнем с самого главного. По какой причине Бог принял решение создать мир? Это вопрос, который не имеет ответа. Однако мы не можем им не задаваться. И вероятный ответ на этот безответный вопрос мы находим у святого Максима Исповедника, когда он в своих «Главах о любви», рассуждая об этом, говорит о взаимной радости: «Бог вседозволенный произвел твари из небытия в бытие не потому, чтобы в чем-то имел нужду, но чтоб они, соответственно приемлемости своей, причащаясь Его блаженства, наслаждались, Сам же Он веселился о делах Своих, видя их веселящимися» («Главы о любви», *сотница 3:46*).

Мысль, которую Максим Исповедник выражает, рассуждая о взаимной радости, также можно связать и с понятием взаимной любви. «*Бог есть любовь*» (1Ин.4:8), - говорит нам евангелист Иоанн. И эта Божественная любовь не эгоцентрична, а взаимна, она распределяется между всеми, кто к ней причастен. Бог - это не просто некое Существо, независимое, обособленное и любящее лишь Само Себя. Бог есть Троица: Отец, Сын и Святой Дух. Все Три Лица любят друг друга и соединены друг с

другом в непрерывном движении взаимодействия. Бог не личен, но межличен, являя собой не просто объединение, но слияние. Один из характерных терминов, который отцы-каппадокийцы используют для описания Святой Троицы, - общение.

Следовательно, если Бог как Святая Троица представляет собой таинство разделяющейся любви, это означает, что решение о Сотворении мира находится в совершенном согласии с природой Бога, поскольку Сотворение позволяет и другим, помимо Него, разделить это движение Троичной любви. Говоря, что этот выбор находится в согласии с природой Бога, я не имею в виду, что Бог был в той или иной мере «обязан» сотворить мир. Напротив, никакие внутренние и внешние факторы не вынуждали Бога совершать такой жест. Он действовал абсолютно свободно. Бог необходим для мира, однако мир не является необходимым для Бога. Как говорил русский богослов Георгий Фроловский: «Мир существует. Но он начал существовать. И это значит: мира могло бы и не быть. В существовании мира нет никакой необходимости. Причина и основание

мира вне мира. Бытие мира возможно только через внемирную волю Всеблагого и Всемогущего Бога» («Тварь и тварность»).

Однако несмотря на тот факт, что Бог творит мир с абсолютной и совершенной свободой, а мир, соответственно, является выражением Его свободной воли, Бог в акте творения открывает и Свою истинную природу – любовь. Вспомним здесь слова святого Дионисия Ареопагита о том, что Божественная любовь экстатична, – это означает, что она находится вне Него. Бог сотворил мир, поскольку любовь его «разливается». Без этой проливающейся любви мир никогда не стал бы существовать. И вместо того, чтобы говорить о сотворении *ex nihilo* (из ничего), правильней было бы говорить о сотворении *ex amore* (из любви).

Если мы будем смотреть на Сотворение таким образом – как на выражение взаимной радости и взаимной любви – тогда никакие теистические воззрения, утверждающие, что вселенная есть произведение, а святой Создатель – архитектор или мастер, не смогут удовлетворить нас. Мы не можем принять образ вселенной как неких часов, которые часовщик лишь изготавливает, заводит и впоследствии оставляет идти.

Несомненно, подобные точки зрения ошибочны. Согласно замечанию святых Максима Исповедника и Дионисия Ареопагита, Сотворение не является актом, в котором Бог действует лишь вне, но актом, посредством которого Бог выражается и внутренне. Бог находится не только за пределами творения, но и внутри него. Первые образы, с помощью которых мы описываем связь Бога с миром, не должны изображать Того, Кто придает миру форму, изменяет его и организует. Мы должны представить себе Бога как некую сущность, живущую внутри всего, присутствующую везде и вечно. Когда мы говорим о том, что Бог есть Создатель вселенной, мы имеем в виду то, что Бог есть «везде сущий и все исполняющий», пользуясь словами, которыми Православная Церковь обращается как к Христу, так и Святому Духу.

С этой проблематикой тесно связана и другая тема, которую я хотел бы затронуть. Сотворение мира должно трактоваться не как некое событие, единожды произошедшее в прошлом, но как продолжающее быть связанным с настоящим. Мир существует, поскольку Бог любит его, и не потому, что полюбил не

когда в далеком прошлом, в самом начале, но поскольку любит его здесь и сейчас, в этот самый миг и в каждый следующий. Нам следует говорить о Сотворении не в какой-то неопределенный момент времени, но в настоящем. Мы не должны говорить, что некогда, много лет назад, Бог создал мир. Речь идет о том, что Бог творит мир со мной и тобой внутри него сейчас и всегда. Если бы святой Творец не пользовался своей творческой волей каждую долю секунды, то вселенная затерялась бы во мраке небытия...

Как творение Божье, мир является по рождению прекрасным: «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1:31). Но одновременно это и мир грехопадения, изломанный, сокрушенный, разрушенный и искаженный грехом – первородным грехом наших предков и личными прегрешениями каждого из нас. Как говорит апостол Павел, все творение «покорилось суете» и «стенает», ожидая часа, когда вновь станет свободным (Рим. 8:20-22). Однако это падение не является всецелым. В тварной природе даже в падшем состоянии продолжают слышаться отзвуки священнодейственного присутствия Божьего. И мир продолжает оставаться прекрасным, пусть и красота его несовершенна. И мы поистине можем сказать слова, произносимые на каждой вечерне: «Дивны дела Твоя Господи».

Неизвестный автор произведения русской прозы XIX века «Откровенные рассказы странника своему духовному отцу» ярко подчеркивает эту врожденную красоту и великолепие мира. Проходя сквозь нескончаемую лесную чащу с Иисусовой молитвой на устах, странник чувствовал, как сердце его наполняется любовью ко всем людям, и не только к ним, но и ко всему сущему: «Когда при сем я начинал молиться сердцем, все окружающее меня представлялось мне в восхитительном виде: деревья, травы, птицы, земля, воздух, свет, все как будто говорило во мне, что существуют для человека, свидетельствуют любовь Божию к человеку и все молится, все воспевает славу Богу. И я понял из сего, что называется в Добролюбии «ведением словес твари» (Рассказ второй). Опыт этого конкретного момента является не ложным ощущением, но подлинным познанием истинной природы тварного мира.

Митрополит Диоклийский Каллист (Уэр)